

Рождена, чтобы жить

Козловский Ян, студент группы 11004216, ФЭС

Руководитель ст. препод. *Т.В. Кедрик*

Великая Отечественная война оставила свой трагический след в истории каждой семьи, моя также не является исключением. Среди моих родных были те, кто сражался на фронте, работал в тылу, был в оккупации. История одной моей родственницы – Софьи Иосифовны Литвиненко – это история чудесного спасения, ставшего возможным благодаря человеческой чуткости и любви. Тяжелые условия, в которых люди жили в оккупации, не ожесточали их сердца, ради спасения жизни близких они готовы были сделать все, что возможно.

Софья Иосифовна Литвиненко, в девичестве Стречень, родилась 15 сентября 1929 года в городском поселке Узда. Семья состояла из четырех человек: мамы Софьи Васильевны, отца Иосифа Ивановича, брата Коли и самой Софьи. Мама была директором школы, отец – директором спиртзавода. Довоенное детство было беззаботным и веселым, летом она с друзьями любила проводить время на свежем воздухе: гулять по лесу, бегать в поле, однако самым любимым занятием была ловля раков в реке Уздянке, которая была ими очень богата. «Какими же беспечными были те времена, – вспоминала Софья Иосифовна, – мы были такими наивными, свободными... Чувства полного умиротворения, радости и даже какого-то, но все же счастья одолевали нами... Как же хорошо было тогда».

Когда началась война, вся семья находилась в Узде, родители Софьи никуда не уезжали. Отца в армию не взяли, у него было освобождение от призыва, как тогда называли, «броня», которую он получил, занимая руководящую должность. На тот период маленькой Софье было 12 лет, а Коле и того меньше.

Отец продолжал работать на заводе, наладил связь с партизанами и передавал им спирт. Однако по доносу 12 сентября 1943 года в их дом ворвались фашисты и арестовали всю ее семью. Софья рассказывала: «Сначала нас били в местной жандармерии, а потом отправили на допрос в полицейский участок, для того, чтобы узнать, связаны ли мы с партизанами. Меня также избивали, хотя я не могла ничего сказать, так как родители никогда не открывали нам –

детям свои секреты. Палачи – так мы называли захватчиков, били нас, не оставляя живого места на теле, которое каждый день покрывалось все новыми и новыми рубцами, синяками и кровоподтёками. Но мы молчали, так как ничего не могли сказать. Молчали не только мы, молчали и папа с мамой. Так продолжалось больше недели».

Так как гитлеровцы не добились никакой информации, было принято решение о переводе узников в Минск. Так они попали в тюрьму на улице Володарского. В новом месте заключения условия ничем не отличались от пребывания в Узденской тюрьме, если не хуже. Их по-прежнему избивали, допрашивали, брали кровь у детей. Однажды, когда у Софьи Иосифовны брали кровь, игла шприца обломалась. Позже пришлось разрезать рану, чтобы извлечь осколок иглы.

Однажды маме Софьи приказали выйти из камеры. Видимо, она чувствовала, что больше не увидит дочь, и поэтому, крепко обняв и поцеловав ее, сказала: «Прощай, доченька. Может, еще увидимся». Мать Софьи расстреляли. Так Соня встретила новый 1944 год в камере № 21 вместе с остальными осиротелыми девочками. Как оказалось, Коля находился в камере вместе с отцом, которого постигла та же участь, что и их мать.

Весной всех детей решили перевезти в Тростенецкий лагерь. Даже пока их везли, немцы находили способы поиздеваться над детьми. Софья рассказывала: «Я помню, как немец стал предлагать нам шоколад. Я сразу поняла, что это неспроста, но Коля потянул руку и сразу получил по зубам. После этого немец бил в лицо всех, и кто протягивал руку, и кто нет. Неудивительно, что у Коли не осталось ни одного зуба после этой адской поездки. Самое ужасное, что я хотела бы защитить брата, но жутко боялась».

Лагерь был обнесен колючей проволокой в несколько рядов, у входов ходили постовые с овчарками, по контуру лагеря стояли пулеметные вышки. Сам лагерь был разделен на две части – одна предназначалась для привезенных гражданских и местных жителей, другая являлась концлагерем для военнопленных.

Фронт приближался, заключенных становилось все меньше и меньше: вечерами их расстреливали в недалеких от лагеря ямах. Очередь дошла и до детей. По словам Софьи, только их привели к яме, как вдруг к ней подъехала машина. Несколько мужчин кинулись на эсэсовцев. Вдруг послышался чей-то голос: «Бегите, дети!».

После этого завязалась перестрелка. Соня вместе со своей подружкой Любой побежали подальше от той ямы, спрятавшись за горой песка, переждали опасность. Когда все закончилось, они увидели движение в куче трупов: оттуда вылез мужчина и стал перебинтовывать раненую руку. Девочки подбежали к нему, он посоветовал детям поскорее убегать. Неожиданно послышался стон – это был Коля. Дети побежали в сторону деревень. «Коля не мог идти, поэтому нам с Любой приходилось поочередно нести его. Но какие силы были у нас – девочек» – вспоминала Софья.

Шли всю ночь, под утро дети набрали на какую-то деревню и постучали в двери одного из домов. Дверь открыла женщина,пустила детей в дом, покормила и обработала раны. Три дня она прятала беглецов, тревожно посматривая в окна, наблюдая за немецкими машинами и солдатами. По ней было видно, что она волновалась и, в конце концов, попросила детей уйти, так как в деревне вывесили приказ: за помощь партизанам – расстрел.

Дети решили идти в Минск. Это была идея Любы, она уверяла их с Колей, что там, в Минске, она знает все дороги, и если что, ее соседи спрячут и помогут укрыться от немцев.

Увидев городские дома, дети обрадовались. Подходя к Свислочи, они увидели мост, по обеим сторонах которого стояли постовые. Первые их пропустили. На втором берегу детей остановили офицер с переводчиком. «Откуда вы идете, детки», – спросил переводчик. «Не успели мы с Любой и рта открыть, как Коля сказал: «С лагеря!». – вспоминала Софья. – Тогда я не удержалась и злобно выкрикнула: «Дурак!». Все было кончено. Коля сразу же осознал свою вину и опустил глаза. Офицер засмеялся и приказал отвести нас за колючую проволоку. Мы поняли, что из одного лагеря мы попали в другой. Люба все время возмущалась, винила Колю за его длинный язык. Теперь я, конечно, понимаю, что виноватым в какой-то мере был каждый из нас... Но тогда была зла лишь на Любу». Так беглецы снова попали в руки врага. Здесь их мучения продолжились.

Вскоре о детях узнала тетя Сони и Коли – жена родного брата их отца, Надежда Стречень. Она жила недалеко от улицы Широкой. Как потом оказалось, она и раньше их искала, но поиски не давали результатов. Из воспоминаний Софьи: «Я помню, как увидела ее через забор, я сразу ее узнала. «Спасите нас, теточка», – просила я». Тетя Надя всеми силами пыталась растопить сердца немецких

постовых: приносила самогон и другие мелкие ценности. Надежда пала на одного пожилого немца. Тетя Надя несколько раз приносила ему самогонку и кусочек сала и просила: «Пане, отпусти детей». А тот все воротил нос и говорил: «Мала. Мала». Тогда тетя Надя достала мешочек со всеми своими золотыми украшениями. Тот быстро схватил его, спрятал в карман и помахал Соне и Коле, чтобы те подошли к нему. Дети с радостью бежали к тете – единственному родному человеку, который остался у них, но постовой пропустил только Соню. «И я хочу жить, тетенька! Возьмите и меня!», – закричал Коля и заплакал. По словам Софьи Иосифовны, от его плача дрогнуло не только ее сердце, но и сердце тети Нади. Она остановилась, повернулась и помахала ему рукой. «Я приду завтра!» – крикнула тетя Надя, а сама, схватив Соню за руку, повела к себе. Тетя Надя две недели, каждый день подходила к воротам лагеря. Она отдала почти все, что у нее было, но постовым было мало. Отчаявшись, она отдала им два золотых зуба и сняла перстень с пальца. Только после этого Колю отпустили. «Когда я увидела брата, я обрадовалась как никогда раньше, я обнимала его, целовала. Потом я посмотрела на тетю и спросила про Любу. Она сказала, что нашла ее родителей и, возможно, они смогут спасти ее от смерти», – вспоминала Софья.

После войны Софья Иосифовна с братом хотели уйти в родной городской поселок – Узду, но по пути они попали в деревню Лоша к родной тете их отца Плавинской Нине Васильевне, где жили некоторое время. Затем их отправили в детдом, откуда детей забрал родной дядя Гешкевич Иван Васильевич. После войны Софья работала на восстановлении Сталинграда, вернулась в Минск на строительство тракторного завода. Познакомилась с Литвиненко Болиславом Федоровичем и вышла за него замуж. В деревне Лоша семья построила дом, родилось трое детей.

На протяжении своей жизни Софья Иосифовна Литвиненко рассказывала историю своего детства детям, внукам и родственникам. Она так и не решилась посетить место бывшего лагеря, уж очень много горя и страдания ей принесло то злосчастное место. Умерла Софья Иосифовна 12 августа 2007 года.